

Цель не оправдывает средства, так я думал, и то, что собирался сделать, не было приятным делом, но я задавался вопросом, не изменил ли меня мир за это время, или сегодня был один из тех дней, когда гнев застилал разум.

Предательница плакала, вырывалась, умоляла, но Старый и глазом не повел на ее мольбы и со всей силы ударил ее по лицу. Кровь брызнула на пол, а ее крики отскакивали от стен, отдаваясь внутри бесконечным эхом.

К тому времени, когда у нее были почти выбиты зубы, она начала раскаиваться. Не знаю, была ли это досада на то, что ее поймали, или искренность, но я никогда не любил слово "раскаяние". Просто хотел, чтобы она почувствовала хотя бы один процент боли жертв.

Несмотря на то, что это был незнакомец, человек, чьего имени я не знал и с которым никогда не разговаривал, его смерть показалась мне до странности пустой. Отчасти мне хотелось бы, чтобы последние слова этой женщины были такими же. Но в ее голове было так много нужной нам информации, что мы не могли просто убить ее.

Она умна, и поначалу держала рот на замке и молчала, так что я просто достал свой меч и шагнул вперед. Потом она начала вздрагивать и биться в судорогах, и вскоре раскололась, рассказывая даже то, о чем я не спрашивал и записывал подробности в своем дневнике.

Когда поинтересовался, зачем она это делала, женщина сначала жалко посмотрела на меня и сказала, что ей угрожали. Но когда я и Старый, который знал, что это ложь, применили силу, она сдалась.

Платой за торговлю людьми были, конечно же, наркотики. Количество их было таким, что у меня возникли сомнения, откуда она их взяла и каковы каналы их распространения. Все они были перенесены в офис, и мне придется позже спросить об этом детектива Канга.

Спросил, есть ли у бродяг лидер или большая группа, но она ответила, что не знает. Я, конечно, сначала не поверил, стал давить все сильнее и сильнее, но она продолжала говорить, что не знает.

Вероятнее, это просто небольшая группировка. Конечно, в этой истории могло быть что-то еще, чего она не знала, но, по крайней мере, информация, полученная на данный момент, была убедительной. Мы в последний раз просмотрели список шпионов, которых она назвала.

Когда закончился так называемый допрос, было уже восемь часов вечера. Голова предательницы в бессилии склонилась к полу, а я перечитал всю информацию, которую успел записать. В этот момент дверь в кабинет открылась, и вошел Юн Пал.

— Бро, поешь, пожалуйста.

Время было уже позднее, но я никак не мог найти время, чтобы поесть. Последствия напряженной работы и стресса скоро дадут о себе знать. В кабинете стоял неприятный запах крови, но Юн Пал не обращал на это внимания, ковыляя с едой.

— Как девчонки? — спросил Старый, принимая еду от Юн Пала, и тот с кривой ухмылкой почесал затылок, а затем ободряюще улыбнулся.

— Чувствуют себя гораздо лучше.

Состояние Ким Хе Чжон и Пак Да Хе, похоже, значительно улучшилось. Я не смог навестить их сразу, но поскольку их состояние улучшилось, планировал зайти позже, когда вернусь в общежитие. Когда взял рисовый шарик и положил его в рот, Юн Пал тихо пробормотал.

— Это она, не так ли?

— Ну да. Откуда знаешь? — бесстрастно ответил Старый.

Вид окровавленной женщины, сидящей посреди чистенького кабинета Юн Пала ничуть не смутил, и он даже указал на нее взглядом, который говорил о том, что уже слышал о ней. Слегка нахмурившись, он ответил.

— Разве вы не слышали, какие слухи сегодня ходят? На доске объявлений даже появилась газета с заголовком "Кадровик Эдема оказалась бродягой?".

Это была сенсационная статья. Не прошло и полдня, а слухи уже дошли до нескольких газет. Люди потрясены. При таком количестве пропавших людей, преступником оказался человек из верхушки Эдема.

Естественно, авторитет их начал падать, и общественное мнение ополчилось против. Газеты точно указали на проблему, и Глава Эдема растерялся. Я уверен, что он сейчас бегает, как ужаленный, пытаясь разрулить ситуацию.

Я повернулся к Юн Палу, который выглядел серьезным.

— Не хочешь с нами поесть?

— Поесть? Ну-у...

Выражение его лица мгновенно просветлело, и он шлепнулся рядом. Юн Пал съел примерно столько же риса, сколько и я, хотя он уже наелся, а Старый, явно очень голодный, съел больше рисовых шариков, чем обычно.

В конце трапезы из Офиса Главы прибежал Очкарик вместе с охранниками и забрал предательницу. Глава сказал, что хочет с ней лично встретиться.

Я заскучал по Че Ён...Похоже, придется работать сверхурочно.

Старик, ворча, последовал за мной, а за нами топал Юн Пал. Быстро шагая, мы оказались перед залом заседаний, открыли дверь и вошли внутрь. Однако в зале не было никого из руководителей, кроме Главы Эдема.

— Дон Юн, ты сегодня много работал, поесть успел? — спросил мрачный Глава, вставая и приветствуя нас.

Я кивнул и направился прямо к нему. Вокруг много охранников, но никто меня не остановил. Оказавшись на месте, я передал лидеру группы признание женщины в преступлении.

Он взял его, глубоко вздохнул и положил руки на стол. Они тряслись, как будто он пытался сдержать свой гнев. Передал отчет стоящим рядом охранникам, которые быстро вышли из комнаты. Эдем вновь обрел надежду.

— Спасибо. Благодаря вам...мы их всех накажем.

В этих словах прозвучала едва уловимая смесь сожаления и восторга. Лидер выдохнул, затем сел обратно в кресло, откидываясь на спинку. Старый перестал таскать конфеты с вазочки, а Юн Пал напряженно сидел на своем месте. В комнате на некоторое время воцарилась тишина. Я нарушил тишину:

— Что вы собираетесь с ними делать?

Если бы не просьба Главы, я бы перерезал ей горло на месте. Ее грех был тяжким и смертельным. Но здесь живут люди, и этика еще существует, поэтому я отпустил, а ее увели в тюрьму.

Там свои законы и порядки. Но я, наделенный всей полнотой власти, имел право спросить о мере ее наказания. Лидер с горькой улыбкой покачал головой, затем встал и медленно подошел к Уставу, висевшему в раме на стене.

— Господин Дон Юн, вы религиозный человек?

— Нет.

Я ответил честно. Если бы я верил в Бога, то умер бы, проклиная его. Не обращая внимания на мой ответ, мужчина надолго замолчал, рассматривая Устав. Затем сказал немного суховато.

— Должен ли я дать ей шанс покаяться?

Я не ответил, а Глава продолжил плавать где-то в своих мыслях. Можно ли простить преступников, если они раскаются? Ни у кого не было ответа, и даже человек исказил смысл.

Лидер склонил голову и тихо зарыдал. На его плечи легли предательство людей, с которыми он работал над созданием и формированием Эдема, людей, которые даже дали клятву на Уставе, в который они так сильно верили. Перед лицом этого шокирующего предательства Глава сломался, как обыкновенный человек. Тишина была тяжелее камня, а воздух липкий, как болото.

Вскоре рыдания Главы стихли, и голос, острее ножа, прорезал мое сердце. Голос, который нес в себе волю к жизни вопреки всем невзгодам.

— Могу я предоставить ее судьбу вам?

— Тогда вы ее больше не увидите.

— Пусть будет так.

Смертный приговор. Эти слова тяжелым грузом легли на мои плечи, но я знал, что лидер принял правильное решение. Я не был Верховным судьёй, не был Богом, который судит людей, я был просто одним из таких же животных, которые могли укунить за загривок, и сделать то же самое со мной. Это закон джунглей, а не человеческий закон или этика.

Старый поднялся со своего места, а Юн Пал все еще оставался неподвижным. Я зажмурился, бросив последний горький взгляд на спину лидера, и медленно вышел из комнаты.

Мы не всеведущи, поэтому не понимаем глубинной воли Бога, а Бог был всеведущ, поэтому не понимал путей человеческих. Назовите это глупостью, и я кивну. Суть в том, что мы — единственное, что существует в этом мире. Закрывая дверь и идя по коридору, я слышал, как вдалеке тихо всхлипывает Глава Эдема.

Вернулся домой поздно вечером с тяжелыми мыслями. Че Ён уже спала, и я лег рядом, обнимая ее, и заснул. На самом деле, из-за кошмаров, которые постоянно снились, я так и не смог заснуть. Еще некоторое время дремал в непроглядной тьме, проводя ночь то в бодрствовании, то в кошмарах.

На небе забрезжил рассвет. Я почувствовал, что меня пробирает озноб, встал, чтобы не разбудить Че Ён, и пошел в другую комнату.

Старый встал первым, и его вещи уже были разбросаны по полу, но мой день начался немного раньше, на рассвете, когда все остальные еще спали.

— Я могу пойти один, — сказал я.

Старый в ответ показал мне средний палец. Я хохотнул немного нервно, и тот тоже ухмыльнулся. Мы быстро перекусили энергетическими батончиками, и проскользнули мимо остальных, выходя из дома.

Открыв дверь, я увидел Очкарика. Уже разговаривал с ним вчера вечером, так что лишняя болтовня ни к чему. Мы обменялись сухими утренними приветствиями и медленно пошли к назначенному месту.

Солнце еще не взошло, поэтому было темновато. От атмосферы раннего утра на душе стало еще холоднее, но мое тело наоборот, послушно двигалось вперед, проходя по улицам. Переулки вскоре исчезли, и взору предстало пустое поле.

— А это что за люди?

Я специально выбрал тихое, уединенное место. Но, вопреки моим ожиданиям, на одной стороне поляны, укрываясь от холода, сгрудилось множество людей, как пингвины. Очкарик медленно закрыл глаза и сказал:

— Это семьи погибших.

Я на мгновение закрыл рот, крепко сжав кулаки и закрыв глаза. Зрение затуманилось. Непонятное чувство тяготило, но я молча шел к назначенному месту.

Чувствовал на себе взгляды. Скорбящие, собравшиеся люди при нашем приближении перевели взгляды и стали смотреть на меня. Здесь были самые разные люди, но все они чувствовали холод и пустоту в своих сердцах.

Повернувшись, увидел, что охранники-тюремщики привели предательницу. По ее лицу текли слезы, а волосы растрепаны.

Я поднял руку, чтобы вытереть лицо, мрачное, усталое и мокрое, и стал идти плечом к плечу со стариком по наклонной тропинке. Что-то липкое прилипло к ногам, и это ощущение стало приливом, омывающим сердце. Я облизал пересохшие губы.

— Спасибо вам.

— Спасибо.

— Большое спасибо.

Пока пробирался сквозь толпу семей, понесших утрату, слова благодарности сыпались со всех сторон. Здесь были и мужчины, и женщины, и дети, и старики. Одни в слезах, другие в крайнем гневе. Но все до единого благодарили меня за то, что я поймал убийцу и буду ее казнить.

Мне было не до гордости.

Вытер слезы и сделал шаг. Я сжег свои доводы, выбросил оправдания в болото. Пора положить конец.

Рассвет был ярким, и я был еще жив.

<http://tl.rulate.ru/book/55848/4864189>